

А.С. Пушкин
БОРИС
ГОДУНОВ

Иллюстрации Б.В. Зворыкина

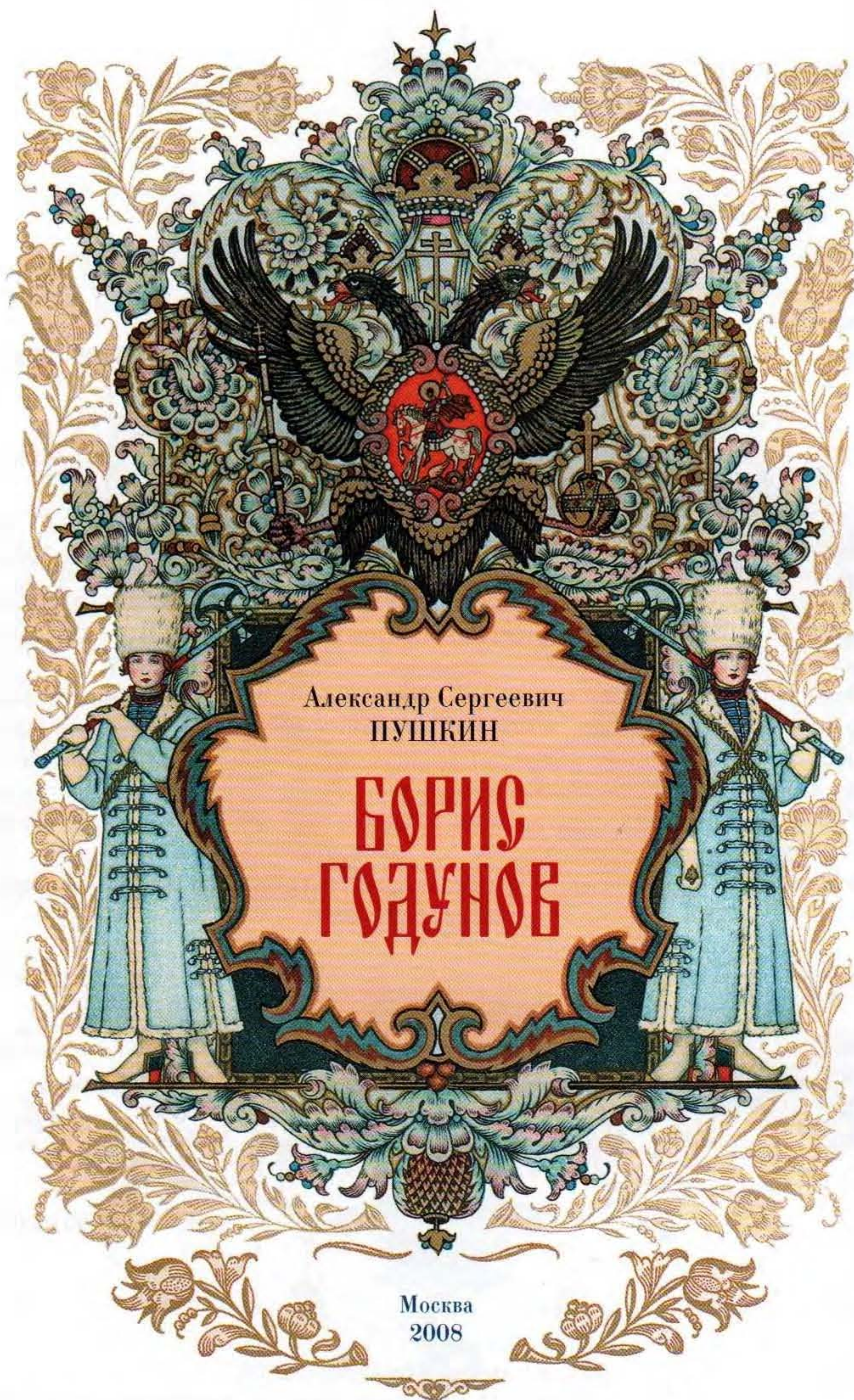

Художник
**Борис Васильевич
ЗВОРЫКИН**

ШЕДЕВРЫ
МИРОВОЙ
ИЛЛЮСТРАЦИИ

ИГРА СЛОВ

УДК 821.161.-34 Пушкин А.С.
ББК 84(2Рос=Рус)1-4+84(2Рос=Рус)1-5
П91

ISBN 978-5-9918-0027-3

Пушкин А.С.

Борис Годунов / А.С. Пушкин; ил. Б. Зворыкина; — М.: Издательство «Игра слов», 2008. — 144 с.: ил. — (Шедевры мировой иллюстрации)

В серии «Шедевры мировой иллюстрации» мы продолжаем знакомить читателя с творчеством Б.В. Зворыкина, представляя произведение А.С. Пушкина «Борис Годунов» с его иллюстрациями.

Эта работа тем более интересна, что «Борис Годунов» иллюстрировался не часто и, как правило, в связи с юбилейными датами. Поэтому говорить о наличии устойчивой иллюстраторской традиции этого произведения не приходится. Иллюстрации Зворыкина — несомненное явление в истории книжной иллюстрации.

Работа была осуществлена к изданию в Париже в 1925 году. Это второе обращение художника к «Борису Годунову».

В качестве исходного текста выбрано издание А.С. Пушкин. Избранные произведения. М.: «Художественная литература», 1975.

УДК 821.161.-34 Пушкин А.С.
ББК 84(2Рос=Рус)1-4+84(2Рос=Рус)1-5
П91

ISBN 978-5-9918-0027-3

©Издательство «Игра слов», 2008.

©Макеев М.А., художественное оформление серии, 2008.

©Корытов О.В., оформление книги, 2008.

драгоценной
для России памяти
Николая Михайловича
Каразина
всей труд,
гением его вдохновенный,
с благоговением
и благодарностию
посвящает
Александр Пушкин

(1598 года, 20 февраля)
Князя Шуйский и Воротынский.

Воротынский

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ ещё повоет да поплачет,
Борис ещё поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,

И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там — а там он будет нами править
По-прежнему.

Воротынский

Но месяц уж протёк,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,
Он, кажется, покинул все мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слёзным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица
Как он тверда, как он неумолима,
Знать, сам Борис сей дух в неё вселил;
Что ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдёт?
Что скажешь ты?

Шуйский

Скажу, что понапрасну
Лилась кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

Воротынский

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Шуйский

А кто же?

Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

Воротынский

Зачем же ты его не уничтожил?

Шуйский

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью неожиданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто правый:
Расспрашивал, в подробности входил —
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал.

Воротынский

Не чисто, князь.

Шуйский

А что мне было делать?

Всё объявить Феодору? Но царь
На всё глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:
Пускай его б уверил я во всём,

Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили.
Не хвастаюсь, а в случае, конечно,
Никая казнь меня не устрашит.
Я сам не трус, но также не глупец
И в петлю лезть не соглашуся даром.

Воротынский

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Шуйский

Перешагнёт; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмёт венец и бармы Мономаха...

Воротынский

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Шуйский

Да, кажется.

Воротынский

Ведь Шуйский, Воротынский...
Легко сказать, природные князья.

Шуйский

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынский

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский

Да, боле,
Чем Годунов.

Воротынский

Ведь в самом деле!

Шуйский

Что ж?

Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

Воротынский

Не мало нас, наследников варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым:
Народ отвык в нас видеть древнюю отрасль
Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом, и любовью,
И славою народ очаровать.

Шуйский*(глядит в окно)*

Он смел, вот всё – а мы... Но полно. Видишь,
Народ идёт, рассыпавшись, назад –
Пойдём скорей, узнаем, решено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Народ.

Один

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.

Другой

О боже мой, кто будет нами править?
О горе нам!

Третий

Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решение Думы.

Народ

Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Ш-ш – слушайте!

Щелкалов

(с Красного крыльца.)

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.
Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдём молить царицу вновь,
Да сжалится над сиротою Москвою
И на венец благословит Бориса.
Идите же вы с богом по домам,
Молитесь – да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.

Народ расходится.

**ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ
НОВОДѢВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ**

Народ.

Один

Теперь они пошли к царице в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

Другой

Что слышно?

Третий

Всё ещё

Упрямится; однако есть надежда.

Баба

(с ребёнком)

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмёт! агу, агу!... не плачь!

Один

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Другой

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

Первый

Право, любо!

Один

Что там за шум?

Другой

Послушай! что за шум?

Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд... ещё... ещё... Ну, брат,
Дошло до нас; скорее! на колени!

Народ

(на коленях. Вой и плач)

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

Один

(*тихо*)

О чём там плачут?

Другой

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Баба

(*с ребёнком*)

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!

(*Бросает его об землю. Ребёнок пищит.*)

Ну, то-то же.

Один

Все плачут,

Заплачем, брат, и мы.

Другой

Я силюсь, брат,

Да не могу.

Первый

Я также. Нет ли луку?

Потрём глаза.

Второй

Нет, я слюней помажу.

Что там ещё?

Первый

Да кто их разберёт?

Народ

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

КРЕМЛЁВСКИЕ ПАЛАТЫ

Борис, патриарх, бояре.

Борис

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слёзы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,

Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.

От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный ещё народной волей.

Бояре

Не изменим присяге, нами данной.

Борис

Теперь пойдём, поклонимся гробам
Почиющих властителей России,
А там – сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.

(Уходит, за ним и бояре.)

Воротынский

(останавливая Шуйского).

Ты угадал.

Шуйский

А что?

Воротынский

Да здесь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйский

Нет, не помню ничего.

Воротынский

Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил...

Шуйский

Теперь не время помнить,
Советую порой и забывать.
А впрочем, я злословием притворным
Тогда желал тебя лишь испытать,
Верней узнать твой тайный образ мыслей;
Но вот – народ приветствует царя –
Отсутствие моё заметить могут –
Иду за ним.

Воротынский

Лукавый царедворец!

**НОЧЬ.
КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ**

(1603 года)

Отец Пимен, Григорий спящий.

Пимен

(пишет перед лампадой)

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдёт мой труд усердный, безымянный,

Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за тёмные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погибло невосвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Ещё одно, последнее сказанье.

(Пишет.)

Григорий

(пробуждается)

Всё тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!.. А всё перед лампадой
Старик сидит да пишет — и дремотой,
Знать, во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погружённый,
Он летопись свою ведёт; и часто

Я угадать хотел, о чём он пишет?
О тёмном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском вече?
О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Всё тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Пимен

Проснулся, брат.

Григорий

Благослови меня,
Честный отец.

Пимен

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и вовеки.

Григорий

Ты всё писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел

И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

Пимен

Младая кровь играет;
Смирять себя молитвой и постом,
И сны твои видений лёгких будут
Исполнены. Доныне — если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи —
Мой старый сон не тих, и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Григорий

Как весело провёл свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

Пимен

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь Господь меня привёл.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый Бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжёл им становился:
Они его меняли на кlobук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренным.
Я видел здесь — вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил Бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вёл.

Он говорил игумену и братье:
“Отцы мои, желанный день придёт,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все – обет примите мой духовный:
Прииду к вам преступник окаянный
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши”.
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася.
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлёт Господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он воздыхал о мирном житие
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нём во славе безмятежной
Утешилась – а в час его кончины
Свершилось неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царём

Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его как солнце просиял —
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Григорий

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия-царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен

Ох, помню!

Привёл меня Бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье;
Пришёл я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаянье рыдает,
А тут народ, остервенясь, волочит
Безбожную предательницу-мамку...
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,

Является Иуда Битяговский.
“Вот, вот злодей!” – раздался общий вопль,
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трём убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред тёплый труп младенца,
И чудо – вдруг мертвец затрепетал –
“Покайтесь!” – народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись – и назвали Бориса.

Григорий

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен

Да лет семи; ему бы ныне было
(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет) – он был бы твой ровесник
И царствовал; но Бог судил иное.

Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны –
А мне пора, пора уж отдохнуть

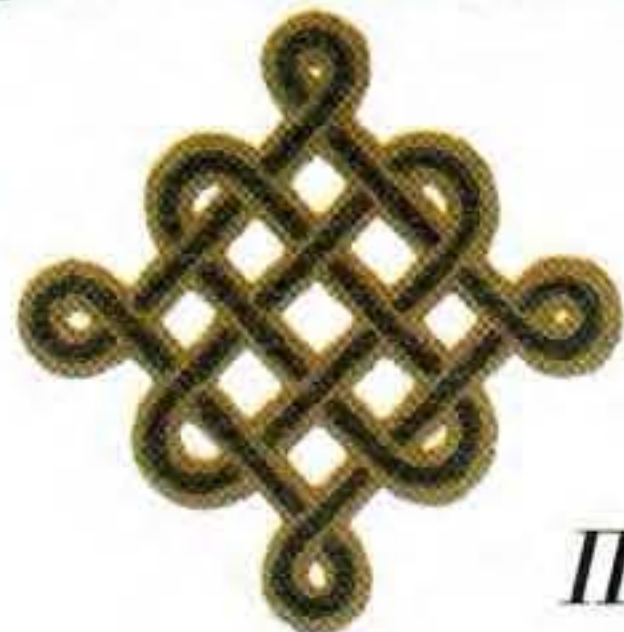
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, Господь,
Своих рабов!... подай костыль, Григорий.

(Уходит.)

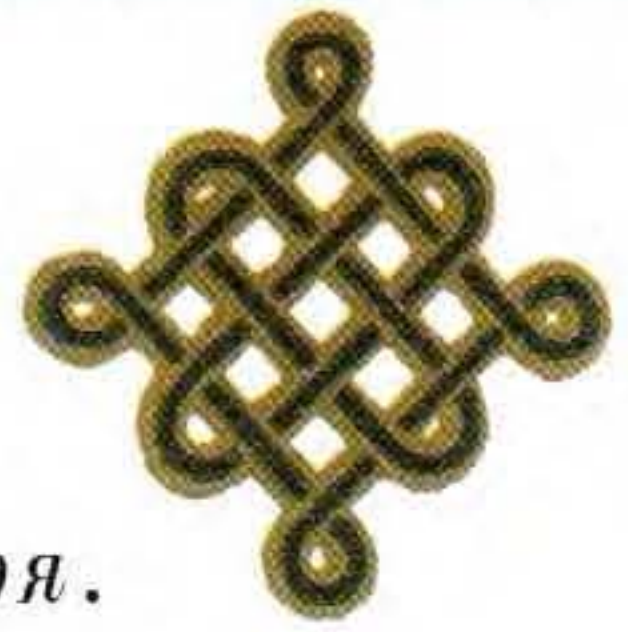
Григорий

Борис, Борис! всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, –
А между тем отшельник в тёмной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдёшь ты от суда мирского,
Как не уйдёшь от Божьего суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА

Патриарх, игумен Чудова монастыря.

Патриарх

И он убежал, отец игумен?

Игумен

Убежал, святой владыко. Вот уж тому третий день.

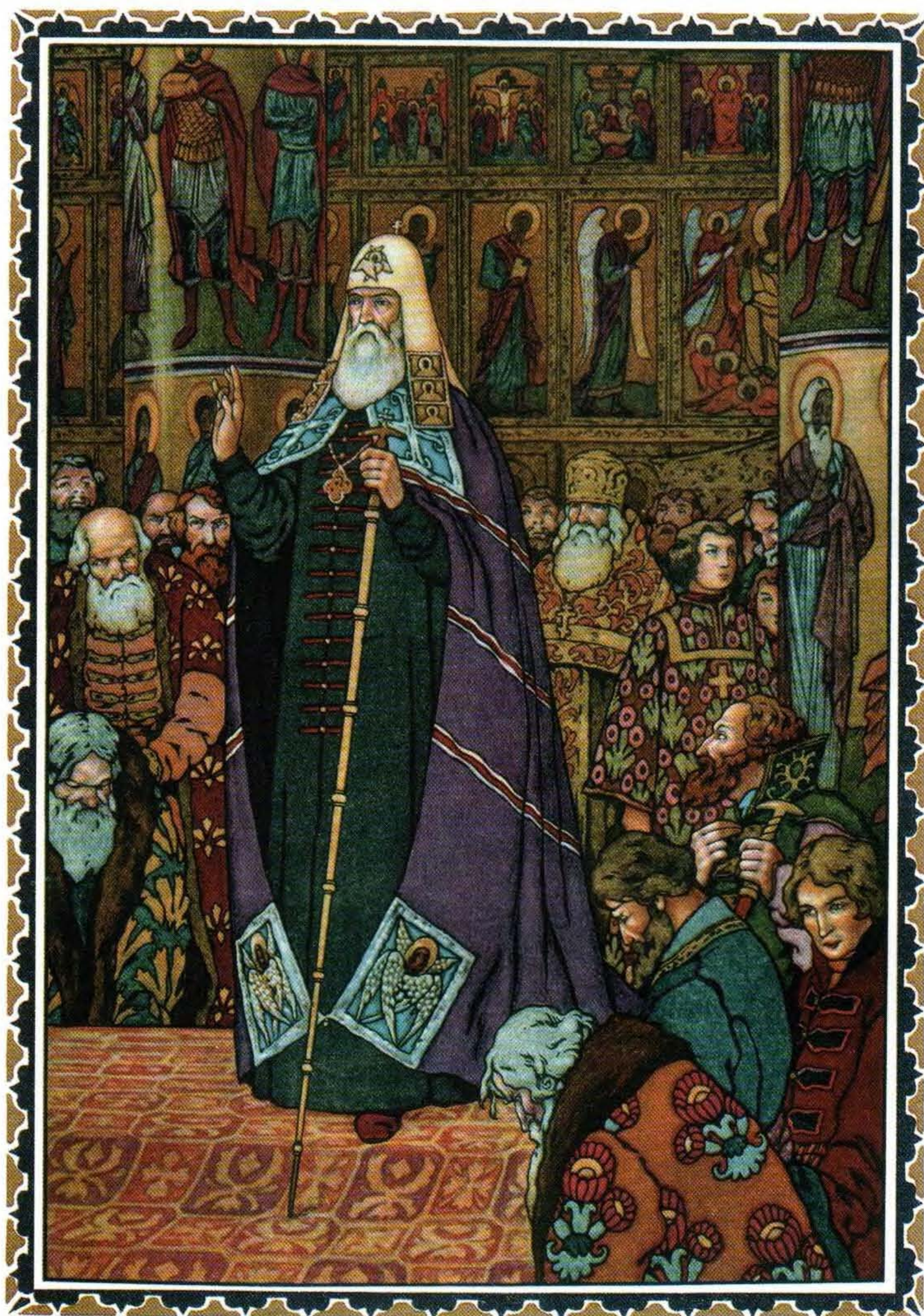
Патриарх

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

Игумен

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолodu
постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском
монастыре, ушёл оттуда, шатался по разным обителям,

наконец пришёл к моей чудовской братии, а я, видя, что он ещё млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, знать, грамота далась ему не от Господа Бога...

Патриарх

Уж эти мне грамотеи! что ещё выдумал! *буду царём на Москве!* Ах он, сосуд дьявольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! *буду царём на Москве!*.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен

Ересь, святой владыко, сущая ересь.

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Два стольника.

Первый

Где государь?

Второй

В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.

Первый

Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуньи. —
Всё ворожит, что красная невеста.
Желал бы знать, о чём гадают он?

Второй

Вот он идёт. Угодно ли спросить?

Первый

Как он угрюм!

Уходят.

Царь

(входит)

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скушаем и томимся?..
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попечение:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мёртвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато

Рассыпал им, я им сыскал работы –
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж её любви.
В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком –
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрёт, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... всё я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над тёмной клеветой. –
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда – беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальётся сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрёк,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

*Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы; Григорий Отрепьев,
мирянином; хозяйка.*

Хозяйка

Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?

Варлаам

Чем бог пошлёт, хозяйюшка. Нет ли вина?

Хозяйка

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.

(Уходит.)

Мисаил

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница литовская, до которой так хотелось тебе добраться.

Григорий

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

Варлаам

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чём уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино... да вот и оно!..

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам.

Хозяйка

(входит)

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаил

Спасибо, родная, Бог тебя благослови.

Монахи пьют; Варлаам затягивает песню:

Как во городе было во Казани...

Варлаам

(Григорию)

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорий

Не хочу.

Мисаил

Вольному воля...

Варлаам

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку...

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить, как мы, милости просим – нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Григорий

Пей да про себя разумеи, отец Варлаам! Видишь: и я порой складно говорить умею.

Варлаам

А что мне про себя разумеи?

Мисаил

Оставь его, отец Варлаам.

Варлаам

Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда, – да ещё и спесивится; может быть, кобылу нюхал...

(Пьёт и поёт: Молодой чернец постригся.)

Григорий

(хозяйке)

Куда ведёт эта дорога?

Хозяйка

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Григорий

А далече ли до Луёвых гор?

Хозяйка

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий

Как, заставы! что это значит?

Хозяйка

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Григорий

(про себя)

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка; дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьём до донушка, выпьем, поворотим и в до-нушко поколотим.

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам...

Григорий

Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Хозяйка

А Господь его ведаёт, вор ли, разбойник — только здесь и добрым людям нынче прохода нет — а что из того

будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведёт до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих, да обирают нас бедных.

Слышен шум.

Что там ещё? ах, вот они, проклятые! дозором идут.

Григорий

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Хозяйка

Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина, и хлеба, и неведомо чего — чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им...

Входят приставы.

Пристав

Здорово, хозяйка!

Хозяйка

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

Один пристав

(другому)

Ба! да здесь попойка идёт: будет чем поживиться.
(Монахам.) Вы что за люди?

Варлаам

Мы божии старцы, иноки смиренные, ходим по селениям да собираем милостыню христианскую на монастырь.

Пристав
(Григорию)

А ты?

Мисаил

Наш товарищ...

Григорий

Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа, отселе иду восвояси.

Мисаил

Так ты раздумал...

Григорий
(тихо)

Молчи.

Пристав

Хозяйка, выставь-ка ещё вина – а мы здесь со старцами попьем да побеседуем.

Другой пристав
(тихо)

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; зато старцы...

Первый

Молчи, сейчас до них доберемся. – Что, отцы мои? каково промышляете?

Варлаам

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало Богу дают. Прии-

де грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трёх полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдёт неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и другое пропьёшь; беда да и только. — Ох плохо, знать пришли наши последние времена...

Хозяйка
(плачет)

Господь помилуй и спаси!

*В продолжение Варлаамовой речи первый пристав
значительно всматривается в Мисаила.*

Первый пристав

Алёха! при тебе ли царский указ?

Второй

При мне.

Первый

Подай-ка сюда.

Мисаил

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый пристав

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слышал ли ты это?

Мисаил

Не слышал.

Пристав

Не слышал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Мисаил

Не знаю.

Пристав

(Варлааму)

Умеешь ли ты читать?

Варлаам

Смолоду знал, да разучился.

Пристав

(Мисаилу)

А ты?

Мисаил

Не умудрил Господь.

Пристав

Так вот тебе царский указ.

Мисаил

На что мне его?

Пристав

Мне сдаётся, что этот беглый еретик, вор, мошенник — ты.

Мисаил

Я! помилуй! что ты?

Пристав

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Хозяйка

Ах, они окаянные мучители! и старца-то в покое не оставят!

Пристав

Кто здесь грамотный?

Григорий

(выступает вперёд)

Я грамотный.

Пристав

Вот на! А у кого же ты научился?

Григорий

У нашего пономаря.

Пристав

(даёт ему указ)

Читай же вслух.

Григорий

(читает)

“Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный дьяволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе литовской...”

Пристав
(Мисаилу)

Как же не ты?

Григорий
“И царь повелел изловить его...”

Пристав
И повесить.

Григорий
Тут не сказано *повесить*.

Пристав
Врёшь: не всяко слово в строку пишется. Читай:
изловить и повесить.

Григорий
“И повесить. А лет ему вору Гришке от роду... (*смотря на Варлаама*) за 50. А росту он среднего, лоб имеет плеши-
вый, бороду седую, брюхо толстое...”

Все глядят на Варлаама.

Первый пристав
Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его! Вот уж
не думал, не гадал.

Варлаам
(*вырывая бумагу*)
Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка? – как!
50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет, брат! молод

ещё надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит. *(Читает по складам.)* “А лет е-му от-ро-ду... 20”. — Что, брат? где тут 50? видишь? 20.

Второй пристав

Да, помнится, двадцать. Так и нам было сказано.

Первый пристав

(Григорию)

Да ты, брат, видно, забавник.

*Во время чтения Григорий стоит потупя голову,
с рукою за пазухой.*

Варлаам

(продолжает)

“А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая”. Да это, друг, уж не ты ли?

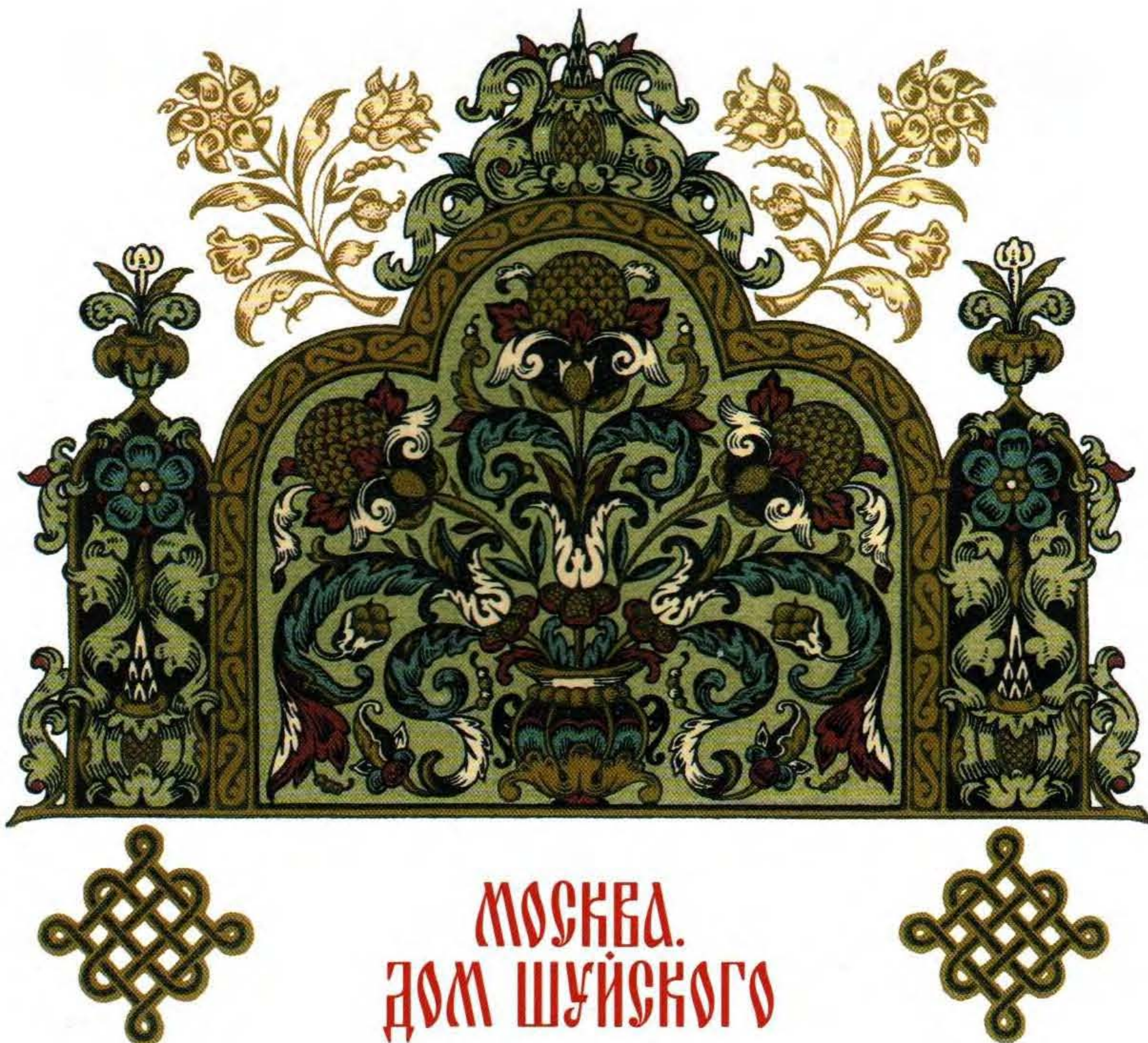
*Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются,
он бросается в окно.*

Приставы

Держи! держи!

Все бегут в беспорядке.

МОСКВА. ДОМ ШУЙСКОГО

Шуйский, множество гостей. Ужин.

Шуйский

Вина ещё.

Встаёт, за ним и все.

Ну, гости дорогие,
Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

Мальчик

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внемли:
Помолимся о нашем государе,

Об избранном тобой, благочестивом
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря.
Да здравием цветёт его семья,
Да осенят её драгие ветви
Весь мир земной — а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неисощимой
Проистекут источники на нас;
И царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, Царю небес.

Шуйский
(пьёт)

Да здравствует великий государь!
Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлеб-солью
Не презрели. Простите, добрый сон.
Гости уходят, он провожает их до дверей.

Пушкин

Насилу убрались; ну, князь Василий Иванович, я уж
думал, что нам не удастся и переговорить.

Шуйский
(слугам)

Вы что рот разинули? Всё бы вам господ подслуши-

вать. Сбирайте со стола да ступайте вон. Что такое, Афанасий Михайлович?

Пушкин

Чудеса да и только.

Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне
Из Кракова гонца прислал сегодня.

Шуйский

Ну.

Пушкин

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного... постой.

(Идёт к дверям и осматривает.)

Державный отрок,
По манию Бориса убиенный...

Шуйский

Да это уж не ново.

Пушкин

Погоди:

Димитрий жив.

Шуйский

Вот-на! какая весть!
Царевич жив! ну подлинно чудесно.
И только-то?

Пушкин

Послушай до конца.
Кто б ни был он, спасённый ли царевич,

Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец,
Но только там Димитрий появился.

Шуйский

Не может быть.

Пушкин

Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И сквозь ряды литовских панов прямо
Шёл в тайную палату короля.

Шуйский

Кто ж он такой? откуда он?

Пушкин

Не знают.

Известно то, что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведав тайну,
Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмунду.

Шуйский

Что ж говорят об этом удалце?

Пушкин

Да слышно, он умён, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает
И, говорят, помогу обещал.

Шуйский

Всё это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдёт невольно.
Сомнения нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдёт, то быть грозе великой.

Пушкин

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержать венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поём канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там — в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнание.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.
Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Всё языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,

Которого захочем наказать.
Вот – Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместьях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! – Не то, в Приказ холопий.
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдёт потеха.

Шуйский

Прав ты, Пушкин.
Но знаешь ли? Об этом обо всём
Мы помолчим до времени.

Пушкин

Вестимо,
Знай про себя. Ты человек разумный;
Всегда с тобой беседовать я рад,
И если что меня подчас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мёд да бархатное пиво
Сегодня так язык мне развязали...
Прощай же, князь.

Шуйский

Прощай, брат, до свиданья.
(Провожает Пушкина.)

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Царевич, чертит географическую карту.

Царевна, мамка царевны.

Ксения

(целует портрет)

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте — а тёмной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

Мамка

И, царевна! девица плачет, что роса падёт; взойдёт солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

Ксения

Нет, мамушка, я и мёртвому буду ему верна.

Входит Борис.

Царь

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Всё плачешь ты о мёртвом женихе.
Дитя моё! судьба мне не судила
Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастье твоё не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь? –
А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Феодор

Чертёж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

Царь

А это что такое
Узором здесь виётся?

Феодор

Это Волга.

Царь

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть

Всё царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни –
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою.
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.

Входит Семён Годунов.

Вот Годунов идёт ко мне с докладом.

(Ксении)

Душа моя, поди в свою светлицу;
Прости, мой друг. Утешь тебя Господь.

Ксения с мамкою уходит.

Что скажешь мне, Семён Никитич?

Семён Годунов

Нынче

Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья
И Пушкина слуга пришли с доносом.

Царь

Ну.

Семён Годунов

Пушкина слуга донёс сперва,
Что поутру вчера к ним в дом приехал
Из Кракова гонец – и через час
Без грамоты отослан был обратно.

Царь

Гонца схватить.

Семён Годунов

Уж послано в догоню.

Царь

О Шуйском что?

Семён Годунов

Вечор он угощал
Своих друзей, обоих Милославских,
Бутурлиных, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина – да несколько других;
А разошлись уж поздно. Только Пушкин
Наедине с хозяином остался
И долго с ним беседовал ещё.

Царь

Сейчас послать за Шуйским.

Семён Годунов

Государь,

Он здесь уже.

Царь

Позвать его сюда.

Годунов уходит.

Царь

Сношения с Литвою! это что?..
Противен мне род Пушкиных мятежный,

А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый...

Входит Шуйский.

Мне нужно, князь, с тобою говорить.
Но кажется – ты сам пришёл за делом:
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйский

Так, государь: мой долг тебе поведать
Весть важную.

Царь

Я слушаю тебя.

Шуйский

(тихо, указывая на Феодора)

Но, государь...

Царь

Царевич может знать,
Что ведает князь Шуйский. Говори.

Шуйский

Царь, из Литвы пришла нам весть...

Царь

Не та ли,
Что Пушкину привёз вечер гонец.

Шуйский

Всё знает он! – Я думал, государь,
Что ты ещё не ведаешь сей тайны.

Царь

Нет нужды, князь: хочу сообразить
Известия; иначе не узнаем
Мы истины.

Шуйский

Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец
И что король и паны за него.

Царь

Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Шуйский

Не ведаю.

Царь

Но... чем опасен он?

Шуйский

Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов.
Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдёт,

К нему толпу безумцев привлечёт
Димитрия воскреснувшее имя.

Царь

Димитрия!... как? этого младенца!
Димитрия!... Царевич, удались.

Шуйский

Он покраснел: быть буре!...

Феодор

Государь,

Дозволишь ли...

Царь

Нельзя, мой сын, поди.

Феодор уходит.

Димитрия!...

Шуйский

Он ничего не знал.

Царь

Послушай, князь: взять меры сей же час;
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.

Шуйский

Иду.

Царь

Постой. Не правда ль, эта весть
Затейлива? Слыхал ли ты когда,
Чтоб мёртвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим патриархом?
Смешно? а? что? что ж не смеёшься ты?

Шуйский

Я, государь?..

Царь

Послушай, князь Василий:
Как я узнал, что отрока сего...
Что отрок сей лишился как-то жизни,
Ты послан был на следствие; теперь
Тебя крестом и Богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмена? Отвечай.

Шуйский

Клянусь тебе...

Царь

Нет, Шуйский, не клянись,
Но отвечай: то был царевич?

Шуйский

Он.

Царь

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь – тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнётся.

Шуйский

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Перед тобой дерзну ли я лукавить?
И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Дмитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыплённый;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.
Нет, государь, сомненья нет: Дмитрий
Во гробе спит.

Царь

(спокойно)

Довольно; удались.

Шуйский уходит.

Ух, тяжело!... дай дух переведу...
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась – и тяжко опускалась...
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Всё снилось убитое дитя!
Да, да – вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня? Пустое имя, тень –
Ужели тень сорвёт с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуй – и нет его.
Так решено: не окажу я страха, –
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

**КРАКОВ.
ДОМ ВИШНЕВЕЦКОГО**

*Самозванец
и pater Черниковский.*

Самозванец

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нём набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра.

Pater

Вспомоществуй тебе святой Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствоваться пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит Бог.

Самозванец

Аминь. Кто там?

Входит слуга.

Сказать: мы принимаем.

Отворяются двери; входит толпа русских и поляков.

Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славится хозяйкой молодой. —
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братские знамёна
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны. —
Но между вас я вижу новы лица.

Гаврила Пушкин

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

Самозванец

Рад вам, дети.

Ко мне, друзья. — Но кто, скажи мне, Пушкин,
Красавец сей?

Пушкин

Князь Курбский.

Самозванец

Имя громко!

(Курбскому)

Ты родственник казанскому герою?

Курбский

Я сын его.

Самозванец

Он жив ещё?

Курбский

Нет, умер.

Самозванец

Великий ум! муж битвы и совета!
Но с той поры, когда являлся он,
Своих обид ожесточённый мститель,
С литовцами под ветхий город Ольгин,
Молва об нём умолкла.

Курбский

Мой отец

В Волынии провёл остаток жизни,
В поместьях, дарованных ему
Баторием. Уединён и тих,
В науках он искал себе отрады;
Но мирный труд его не утешал:
Он юности своей отчизну помнил,
И до конца по ней он тосковал.

Самозванец

Несчастный вождь! как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его с отечеством мирится.
Вины отцов не должно вспоминать;
Мир гробу их! приближься, Курбский. Руку!
– Не странно ли? сын Курбского ведёт
На трон, кого? да – сына Иоанна...
Всё за меня: и люди и судьба. –
Ты кто такой?

Поляк

Собаньский, шляхтич вольный.

Самозванец

Хвала и честь тебе, свободы чадо!
Вперёд ему треть жалованья выдать. –
Но эти кто? я узнаю на них
Земли родной одежду. Это наши.

Хрущов

(бьёт челом)

Так, государь, отец наш. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь – и за тебя готовы
Главами лечь, да будут наши трупы
На царский трон ступенями тебе.

Самозванец

Мужайтесь, безвинные страдальцы –
Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там Борис расплатится во всём.
Ты кто?

Карела

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

Самозванец

Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если Бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

Поэт

(приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу)

Великий принц, светлейший королевич!

Самозванец

Что хочешь ты?

Поэт

(подаёт ему бумагу)

Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда.

Самозванец

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской музы голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!
Приблизься, друг. В моё воспоминанье
Прими сей дар.

(Даёт ему перстень.)

Когда со мной свершится
Судьбы завет, когда корону предков
Надену я, надеюсь вновь услышать
Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam¹⁾.
Итак, друзья, до завтра, до свиданья.

Все

В поход, в поход! Да здоровствует Димитрий,
Да здоровствует великий князь московский!

ЗАМОК ВОЗВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ

*Ряд освещённых комнат. Музыка.
Вишневецкий, Мнишек.*

Мнишек

Он говорит с одной моей Мариной,
Мариною одною занят он...
А дело-то на свадьбу страх похоже;
Ну – думал ты, признайся, Вишневецкий,
Что дочь моя царицей будет? а?

Вишневецкий

Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,
Что мой слуга взойдёт на трон московский?

Мнишек

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвил: ну, смотри!
Не упускай Димитрия!... и вот
Всё кончено. Уж он в её сетях.

*Музыка играет польский. Самозванец идёт
с Мариною в первой паре.*

Марина

(тихо Димитрию)

Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
В аллее лип, я завтра у фонтана.

Расходятся. Другая пара.

Кавалер

Что в ней нашёл Димитрий?

Дама

Как! она

Красавица.

Кавалер

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Новая пара.

Дама

Он не красив, но вид его приятен
И царская порода в нём видна.

Новая пара.

Дама

Когда ж поход?

Кавалер

Когда велит царевич,
Готовы мы; но, видно, панна Мнишек
С Димитрием задержит нас в плену.

Дама

Приятный плен.

Кавалер

Конечно, если вы...

Расходятся. Комнаты пустеют.

Мнишек

Мы, старики, уж нынче не танцуем,
Музыки гром не призывает нас,
Прелестных рук не жмём и не целуем –
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей – не так смела,
И красота не так уж весела –
Признайся, друг: всё как-то приуныло.
Оставим их; пойдём, товарищ мой,
Венгерского, обросшую травой,
Велим отрыть бутылку вековую
Да в уголку потянем-ка вдвоём
Душистый ток, струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чём.
Пойдём же, брат.

Вишневецкий

И дело, друг, пойдём.

НОЧЬ. САД. ФОНТАН

Самозванец

(входит)

Вот и фонтан; она сюда придёт.
Я, кажется, рождён не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертью душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались — я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит моё дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряжённых?
Нет — это страх. День целый ожидал

Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал всё то, что ей скажу,
Как обольщу её надменный ум,
Как назову московскою царицей, —
Но час настал — и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит моё воображенье...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

Марина

(входит)

Царевич!

Самозванец

Она!... Вся кровь во мне остановилась.

Марина

Димитрий! Вы?

Самозванец

Волшебный, сладкий голос!

(Идёт к ней.)

Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

Марина

Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь тебе назначила свиданье

Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья;
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь – не с детской слепотой,
Не как раба желаний лёгких мужа,
Наложница безмолвная твоя –
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

Самозванец

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь пред собой
Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взором.
О, выслушай моления любви,
Дай высказать всё то, чем сердце полно.

Марина

Не время, князь. Ты медлишь – и меж тем
Приверженность твоих клеветов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,

Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры...

Самозванец

Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно моё блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь... что без неё мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной – ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь...

Марина

Стыдись; не забывай
Высокого, святого назначения:
Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
Не юноше кипящему, безумно
Пленённому моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасённому судьбой.

Самозванец

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвишь –

Как! ежели... о страшное сомненье! –
Скажи: когда б не царское рожденье
Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок, –
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

Марина

Димитрий ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

Самозванец

Нет! полно:

Я не хочу делиться с мертвецом
Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворствовать! скажу
Всю истину; так знай же: твой Димитрий
Давно погиб, зарыт – и не воскреснет;
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь, скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая,
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо –
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конём и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

Марина

О стыд! о горе мне!

(Молчание.)

Самозванец

(тихо)

Куда завлѣк меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? –

(Вслух.)

Вижу, вижу:

Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Реши: я жду.

(Бросается на колени.)

Марина

Встань, бедный самозванец.

Не мнишь ли ты коленопреклоненьем,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умирить?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха...

Самозванец

(встаёт)

Не презирай молодого самозванца;
В нём доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной...

Марина

Достойные позорной петли, дерзкий!

Самозванец

Виновен я; гордыней обуянный,
Обманивал я Бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Всё высказать.

Марина

Чем хвалится, безумец!

Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить

Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королём
Или ещё пред паном Вишневецким
Из верного усердия слуги.

Самозванец

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признание.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

Марина

Клянёшься ты! итак, должна я верить —
О, верю я! — но чем, нельзя ль узнать,
Клянёшься ты? не именем ли Бога,
Как набожный приимыш езуитов?
Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

Димитрий*(гордо)*

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла –
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться. –
Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдёт постыдной страсти жар!
Теперь иду – погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как воин в битве честной,
Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не разделишь со мною;
Но – может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

Марина

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

Самозванец

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? – Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.

Димитрий я иль нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

Марина

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но — слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле;
Веди полки скорее на Москву —
Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла;
Но — слышит Бог — пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.

(Уходит.)

Самозванец

Нет — легче мне сражаться с Годуновым
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женщиной — чёрт с ними; мочи нет.
И путает, и вьётся, и ползёт,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! — Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ

(1604 года, 16 октября)

Князь Курбский и Самозванец, оба верхами.

Полки приближаются к границе.

Курбский

(прискакав первый)

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь, Отечество! Я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхаю
С моих одежд — пью жадно воздух новый:
Он мне родной!.. теперь твоя душа,
О мой отец, утешится, и в гробе
Опальные возрадуются кости!
Блеснул опять наследственный наш меч,

Сей славный меч, гроза Казани тёмной,
Сей добрый меч, слуга царей московских!
В своём пиру теперь он загуляет
За своего надёжу-государя!...

Самозванец

(едет тихо с поникшей головой)

Как счастлив он! как чистая душа
В нём радостью и славой разыгралась!
О витязь мой! завидую тебе.
Сын Курбского, воспитанный в изгнание,
Забыв отцом снесённые обиды,
Его вину за гробом искупив,
Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься; законного царя
Ты возвратить отечеству... ты прав,
Душа твоя должна пылать весельем.

Курбский

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванец

Кровь русская, о Курбский, потечёт!
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..
Но пусть мой грех падёт не на меня —

А на тебя, Борис-цареубийца! –
Вперёд!

Курбский

Вперёд! и горе Годунову!

Скачут. Полки переходят через границу.

ЦАРСКАЯ ДУМА

Царь, патриарх и бояре.

Царь

Возможно ли? Расстрига, беглый инок
На нас ведёт злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! – Поезжайте
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов: помочь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осаждён.
Спасайте град и граждан.

Басманов

Государь,
Трёх месяцев отныне не пройдёт,

И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезём, как зверя
Заморского, в железной клетке. Богом
Тебе клянусь.

(Уходит с Трубецким.)

Царь

Мне свейский государь
Через послов союз свой предложил;
Но не нужна нам чуждая помощь;
Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.
Я отказал.

Щелкалов! разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коня садились и людей
По старине на службу высылали;
В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли.
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они — таков
Указ царя и приговор боярский.
Теперь вопрос мы важный разрешим:
Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;
На площадях мятежный бродит шёпот,
Умы кипят... их нужно остудить;

Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты первый,
Святой отец, свою поведай мысль.

Патриарх

Благословен Всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждёшь – да пройдет заблуждение:
Оно пройдёт, и солнце правды вечной
Всех озарит.

Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.

Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:
Но стоит лишь её раздрать – и сам
Он наготой своею посрамится.

Сам Бог на то нам средство посылает:
Знай, государь, тому прошло шесть лет –
В тот самый год, когда тебя Господь
Благословил на царскую державу, –
В вечерний час ко мне пришёл однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну.

“В молодых летах, – сказал он, – я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился

И зелием и тайным нашептанием;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам;
Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной тёмны очи;
Не посылал Господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду
И к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки. Раз,
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: – Встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостив – и я тебя прошу.
– Но кто же ты? – спросил я детский голос.
– Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец!
Иди, старик. – Проснулся я и думал:
Что ж? может быть, и в самом деле Бог
Мне позднее дарует исцеленье.
Пойду – и в путь отправился далёкий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В святой собор, и слушаю обедню,
И, разгораясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: – Иван, води меня на гроб

Царевича Димитрия. — И мальчик
Повёл меня — и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И божий свет, и внука, и могилку”.
Вот, государь, что мне поведал старец.

*Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз
отирает лицо платком.*

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдальцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.

Вот мой совет: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.

Молчание.

Князь Шуйский

Святой отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства
Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?

Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства – проще.
Так, государь – когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу.

Царь

Да будет так! Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:
Сегодня мне нужна твоя беседа.

Уходит. За ним и все бояре.

Один боярин

(тихо другому)

Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?

Другой

Я – признаюсь – не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться.

Первый боярин

А выручил князь Шуйский. Молодец!

РАВНИНА БЛИЗ НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО

(1604 года, 21 декабря)

Битва.

Воины

(бегут в беспорядке)

Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!

Входят капитаны Маржерет и Вальтер Розен.

Маржерет

Куда, куда? Allons...²⁾ пошоль назад!

Один из беглецов

Сам пошоль, коли есть охота, проклятый басурман.

Маржерет

Quoi? quoi?³⁾

Другой

Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные.

Маржерет

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?.. Sacrés gueux, maudites canailles! Mordieu, mein herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas des bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp.⁴⁾

В. Розен

Es ist Schande.⁵⁾

Маржерет

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas – puisque le vin est tire, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein herr?⁶⁾

В. Розен

Sie haben Recht.⁷⁾

Маржерет

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous, mein herr?⁸⁾

В. Розен

Oh, ja!⁹⁾

Маржерет

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les

derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie. ¹⁰⁾

В. Розен

Ich glaube das. ¹¹⁾

Входят немцы.

Маржерет

Ha, ha! voici nos Allemands. – Messieurs!... Mein herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons! ¹²⁾

В. Розен

Sehr gut. Halt! ¹³⁾

Немцы строятся.

Marsch! ¹⁴⁾

Немцы

(идут)

Hilf Gott! ¹⁵⁾

Сражение. Русские снова бегут.

Ляхи

Победа! победа! Слава царю Димитрию.

Димитрий

(верхом)

Ударить отбой! мы победили. Довольно: щадите русскую кровь. Отбой!

Трубят, бьют барабаны.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД СОБОРОМ В МОСКВЕ

Народ.

Один

Скоро ли царь выйдет из собора?

Другой

Обедня кончилась; теперь идёт молебствие.

Первый

Что? уж проклинали *того*?

Другой

Я стоял на паперти и слышал, как диакон завопил:
Гришка Отрепьев – анафема!

Первый

Пускай себе проклинаят; царевичу дела нет
до Отрепьева.

Другой

А царевичу поют теперь вечную память.

Первый

Вечную память живому! Вот ужо им будет,
безбожникам.

Третий

Чу! шум. Не царь ли?

Четвёртый

Нет; это юродивый.

*Входит юродивый в железной шапке, обвешанный веригами,
окружённый мальчишками.*

Мальчишки

Николка, Николка – железный колпак!.. тр р р р р...

Старуха

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. – Помолись,
Николка, за меня грешную.

Юродивый

Дай, дай, дай копеечку.

Старуха

Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Юродивый

(сидится на землю и поёт)

Месяц светит,
Котёнок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

Мальчишки окружают его снова.

Один из них

Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь?
(Щёлкает его по железной шапке.) Эх она звонит!

Юродивый

А у меня копеечка есть.

Мальчишка

Неправда! ну покажи.

(Вырывает копеечку и убегает.)

Юродивый

(плачет)

Взяли мою копеечку; обижают Николку!

Народ

Царь, царь идёт.

Царь выходит из собора.

Боярин впереди раздаёт нищим милостыню.

Бояре.

Юродивый

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь

Подать ему милостыню. О чём он плачет?

Юродивый

Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать,
как зарезал ты маленького царевича.

Бояре

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Царь

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

(Уходит.)

Юродивый

(ему вслед)

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода —
Богородица не велит.

СВЕСК

Самозванец, окружённый своими.

Самозванец

Где пленный?

Лях

Здесь.

Самозванец

Позвать его ко мне.

Входит русский пленник.

Кто ты?

Пленник

Рожнов, московский дворянин.

Самозванец

Давно ли ты на службе?

Пленник

С месяц будет.

Самозванец

Не совестно, Рожнов, что на меня
Ты поднял меч?

Пленник

Как быть, не наша воля.

Самозванец

Сражался ты под Северским?

Пленник

Я прибыл
Недели две по битве – из Москвы.

Самозванец

Что Годунов?

Пленник

Он очень был встревожен
Потерею сражения и раной
Мстиславского, и Шуйского послал
Начальствовать над войском.

Самозванец

А зачем
Он отозвал Басманова в Москву?

Пленник

Царь наградил его заслуги честью
И золотом. Басманов в царской Думе
Теперь сидит.

Самозванец

Он в войске был нужнее.
Ну что в Москве?

Пленник

Всё, слава Богу, тихо.

Самозванец

Что? ждут меня?

Пленник

Бог знает; о тебе
Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову – такая, право, притча!
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся, – глядь – лазутчик уж и вьётся,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.
Как раз беда; так лучше уж молчать.

Самозванец

Завидна жизнь Борисовых людей!
Ну, войско что?

Пленник

Что с ним? одето, сыто,
Довольно всем.

Самозванец

Да много ли его?

Пленник

Бог ведает.

Самозванец

А будет тысяч тридцать?

Пленник

Да наберёшь и тысяч пятьдесят.

Самозванец задумывается.

Окружающие смотрят друг на друга.

Самозванец

Ну! обо мне как судят в вашем стане?

Пленник

А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец.

Самозванец

(смеясь)

Так это я на деле

Им докажу: друзья, не станем ждать
Мы Шуйского; я поздравляю вас:
Назавтра бой.

(Уходит.)

Все

Да здравствует Димитрий!

Лях

Назавтра бой! их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошёл.

Другой

Пустое, друг: поляк
Один пятьсот москалей вызвать может.

Пленник

Да, вызовешь. А как дойдёт до драки,
Так убежишь от одного, хвастун.

Лях

Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник,
То я тебя

(указывая на свою саблю)
вот этим бы смирил.

Пленник

Наш брат русак без сабли обойдётся:
Не хочешь ли вот этого,

(показывая кулак)

безмозглый!

*Лях гордо смотрит на него и молча отходит.
Все смеются.*

ЛСС

*Лжедмитрий, Пушкин.
В отдалении лежит конь издыхающий.*

Лжедмитрий
Мой бедный конь! как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сражение
И, раненный, как быстро нёс меня.
Мой бедный конь!

Пушкин
(про себя)

Ну вот о чём жалеет!
Об лошади! когда всё наше войско
Побито в прах!

Самозванец

Послушай, может быть,
От раны он лишь только заморился
И отдохнёт.

Пушкин

Куда! он издыхает.

Самозванец

(идёт к своему коню)

Мой бедный конь!... что делать? снять узду
Да отстегнуть подпругу. Пусть на воле
Издохнет он.

(Разуздывает и рассёдлывает коня.)

Входят несколько ляхов.

Здорово, господа!

Что ж Курбского не вижу между вами?
Я видел, как сегодня в гушу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,
А грозный клик все клики заглушал.
Где ж витязь мой?

Лях

Он лёг на поле смерти.

Самозванец

Честь храброму и мир его душе!
Как мало нас от битвы уцелело.
Изменники! злодеи-запорожцы,

Проклятые! вы, вы сгубили нас –
Не выдержать и трёх минут отпора!
Я их ужо! десятого повешу,
Разбойники!

Пушкин

Кто там ни виноват,
Но всё-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванец

А дело было наше;
Я было смял передовую рать –
Да немцы нас порядком отразили;
А молодцы! ей-богу, молодцы,
Люблю за то – из них уж непременно
Составлю я почётную дружину.

Пушкин

А где-то нам сегодня ночевать?

Самозванец

Да здесь в лесу. Чем это не ночлег?
Чем свет, мы в путь; к обеду будем в Рыльске.
Спокойна ночь.

(Ложится, кладёт седло под голову и засыпает.)

Пушкин

Приятный сон, царевич!
Разбитый в прах, спасаясь побегом,
Беспечен он, как глупое дитя;
Хранит его, конечно, провиденье;
И мы, друзья, не станем унывать.

Борис, Басманов.

Царь

Он побеждён, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.
Вот слава! нет, я ими недоволен,
Пошлю тебя начальствовать над ними;

Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басманов

Ах, государь, стократ благословен
Тот будет день, когда Разрядны книги
С раздорами, с гордыней родословной
Пожрет огонь.

Царь

День этот недалёк;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Басманов

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызёт свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конём спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Царь

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:

Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.

Входит боярин.

Что?

Боярин

Привели гостей иноплеменных.

Царь

Иду принять; Басманов, погоди.
Останься здесь: с тобой ещё мне нужно
Поговорить.

(Уходит.)

Басманов

Высокий дух державный.
Дай бог ему с Отрепьевым проклятым
Управиться, и много, много он
Ещё добра в России сотворит.
Мысль важная в уме его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мне поприще откроется, когда
Он сломит рог боярству родовому!
Соперников во брани я не знаю;
У царского престола стану первый...
И может быть... Но что за чудный шум?

Тревога.

*Бояре, придворные служители
в беспорядке бегут,
встречаются
и шепчутся.*

Один

За лекарем!

Другой

Скорее к патриарху.

Третий

Царевича, царевича зовёт!

Четвёртый

Духовника!

Басманов

Что случилось такое?

Пятый

Царь занемог.

Шестой

Царь умирает.

Басманов

Боже!

Пятый

На троне он сидел и вдруг упал –
Кровь хлынула из уст и из ушей.

Царя выносят на стуле; всё царское семейство, все бояре.

Царь

Подите все – оставьте одного
Царевича со мною.

Все удаляются.

Умираю;

Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнёшь... о Боже, Боже!
Сейчас явлюсь перед тобой – и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую – мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рождён и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь.
Я, я за всё один отвечу Богу...
О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно –
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчён...
Я, с давних лет в правленье искущённый,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала.
Но ты, молодой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но Бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника, во-первых, избери
Надёжного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом – а в боярах
Почтенного породой или славой –

Хоть Шуйского. Для войска нынче нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твёрдостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка —
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская...
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын, тыходишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь завсегда главою;

Мать почитай, но властвуй сам собою –
Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаёшься.

Феодор
(на коленях)

Нет, нет – живи и царствуй долговечно:
Народ и мы погибли без тебя.

Царь

Всё кончено – глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад...

*Входит патриарх, святители, за ними все бояре.
Царицу ведут под руки,
царевна рыдает.*

Кто там?

А! схима... так! святое пострижение...
Ударил час, в монахи царь идёт –
И тёмный гроб моею будет кельей...
Повремени, владыко патриарх,
Я царь ещё: внимлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору... Басманов,
Друзья мои... при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так ещё и млад и непорочен...
Клянётесь ли?

Бояре
Клянёмся.

Царь

Я доволен.

Простите ж мне соблазны и грехи

И вольные и тайные обиды...

Святой отец, приблизься, я готов.

Начинается обряд пострижения.

Женщин в обмороке выносят.

СТАВКА

Басманов вводит Пушкина.

Басманов

Войди сюда и говори свободно.
Итак, тебя ко мне он посылает?

Пушкин

Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нём в московском царстве.

Басманов

Но я и так Феодором высоко
Уж вознесён. Начальствую над войском,
Он для меня презрел и чин разрядный,
И гнев бояр – я присягал ему.

Пушкин

Ты присягал наследнику престола
Законному; но если жив другой,
Законнейший?..

Басманов

Послушай, Пушкин, полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.

Пушкин.

Россия и Литва

Димитрием давно его признали,
Но, впрочем, я за это не стою.
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец. Только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

Басманов

Пока стою за юного царя,
Дотопле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава Богу!
Победою я их одушевлю,
А вы, кого против меня пошлёте?
Не казака ль Карелу? али Мнишка?
Да много ль вас, всего-то восемь тысяч.

Пушкин

Ошибся ты: и тех не наберёшь –
Я сам скажу, что войско наше дрянь,

Что казаки лишь только сёлы грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские... да что и говорить...
Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.
Дмитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?
Ты видел сам, охотно ль ваши рати
Сражались с ним; когда же? при Борисе!
А нынче ль?.. Нет, Басманов, поздно спорить
И раздувать холодный пепел брани:
Со всем твоим умом и твёрдой волей
Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благоразумный,
Дмитрия царём провозгласить
И тем ему навеки удружить?
Как думаешь?

Басманов

Узнаете вы завтра.

Пушкин

Решись.

Басманов

Прощай.

Пушкин

Подумай же, Басманов.

(Уходит.)

Басманов

Он прав, он прав; везде измена зреет –
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность молодого венценосца
Предательством ужасным заплатить...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и заговор,
Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бедствия народны...

(Задумывается.)

Сюда! кто там?

(Свищет.)

Коня! Трубите сбор.

ЛОБНОЕ МЕСТО

Пушкин идёт, окружённый народом.

Народ

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам боярин.
Сюда! сюда!

Пушкин

(на амвоне)

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал.

(Кланяется.)

Вы знаете, как промысел небесный

Царевича от рук убийцы спас;
Он шёл казнить злодея своего,
Но Божий суд уж порази́л Бориса.
Димитрию Россия покорилась;
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привёл ему к присяге.
Димитрий к вам идёт с любовью, с миром.
В угоду ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

Народ

Вестимо нет.

Пушкин

Московские граждане!

Мир веда́ет, сколь много вы терпели
Под властью жестокого прише́льца:
Опалу, казнь, бесче́стие, налоги,
И труд, и глад – всё испыта́ли вы.
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов – и весь честной народ.
Вы ль станете упря́миться безумно
И милостей кичливо убега́ть?
Но он идёт на ца́рственный престол
Своих отцов – в сопровожденье грозном.
Не гнева́йте ж ца́ря и бойте́сь Бога.
Целуйте крест зако́нному влады́ке;
Смирите́ся, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,

Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.

(Сходит.)

Шум народный.

Народ

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец!

Мужик на амвоне

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

Народ

(несётся толпою)

Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

**КРЕМЛЬ. ДОМ БОРИСОВ.
СТРАЖА У КРЫЛЬЦА**

Феодор под окном.

Нищий

Дайте милостыню, Христа ради!

Стража

Поди прочь, не велено говорить с заключёнными.

Феодор

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.

*Ксения под покрывалом подходит
также к окну.*

Один из народа

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

Другой

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

Первый

Отец был злодей, а детки невинны.

Другой

Яблоко от яблони недалеко падает.

Ксения

Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Феодор

Это Голицын, Мосальский. Другие мне незнакомы.

Ксения

Ах, братец, сердце замирает.

Голицын, Мосальский, Молчанов и Шереметевы.

За ними трое стрельцов.

Народ

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.

Они входят в дом.

Один из народа

Зачем они пришли?

Другой

А верно, приводить к присяге Феодора Годунова.

Третий

В самом деле? – слышишь, какой в доме шум!
Тревога, дерутся...

Народ

Слышишь? визг! – это женский голос – взойдём! –
Двери заперты – крики замолкли.

Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.

Мосальский

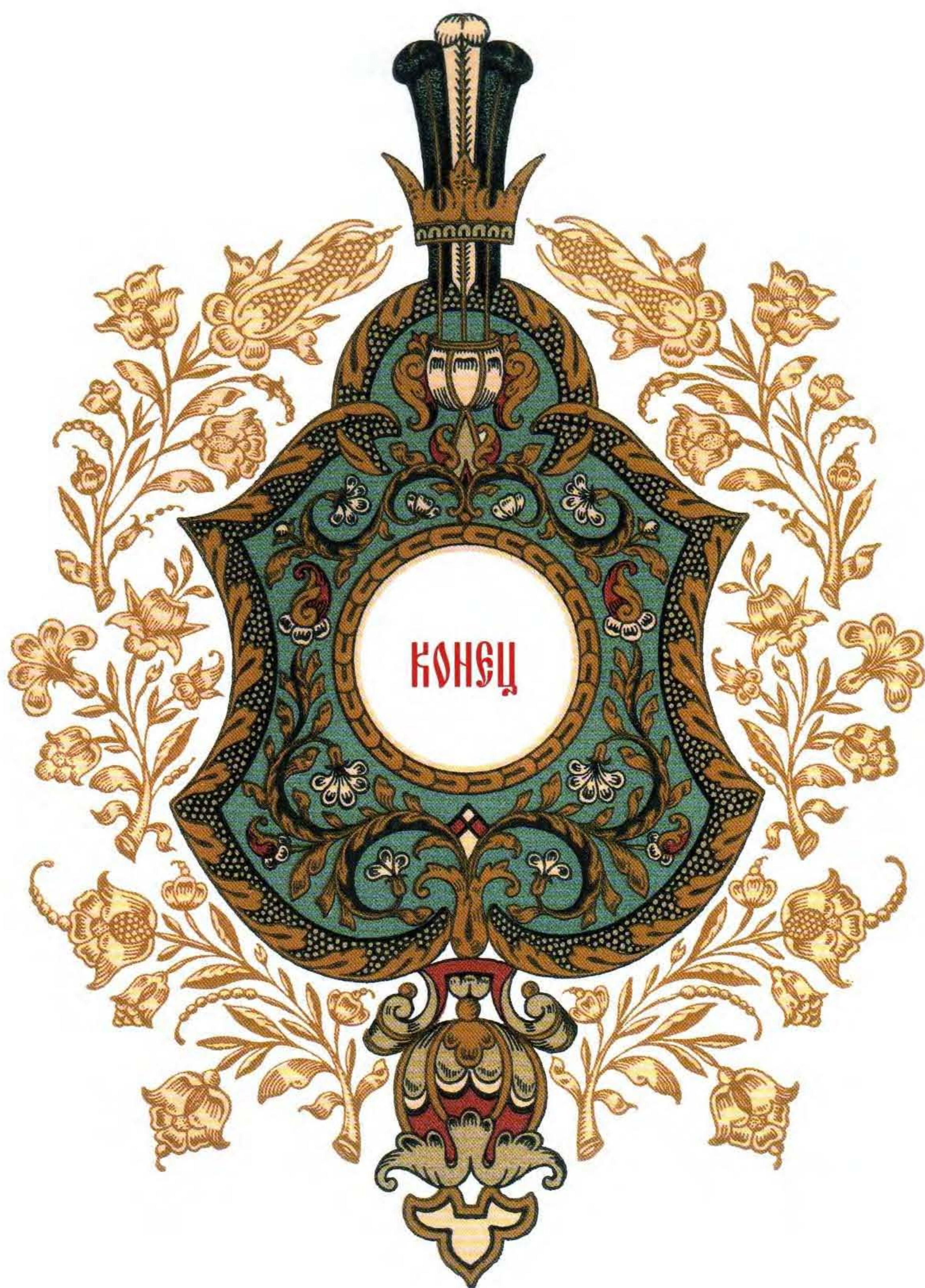
Народ! Мария Годунова и сын её Феодор отравили
себя ядом. Мы видели их мёртвые трупы.

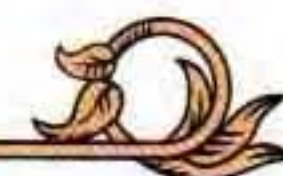
Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь
Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Муза венчает славу, а слава – музу (*лат.*)
- 2) Ну... (*франц.*)
- 3) Что? что? (*франц.*)
- 4) Что значит православные?... Рвань окаянная, проклятая сволочь! Чёрт возьми, мейн герр (сударь), я прямо взбешён: можно подумать, что у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать (*франц.*)
- 5) Позор (*нем.*)
- 6) Тысяча дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг – раз дело начато, надо его кончить. Что вы скажете на это, мейн герр? (*франц.*)
- 7) Вы правы (*нем.*)
- 8) Чёрт, дело становится жарким! Этот дьявол – Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез. Как вы полагаете, мейн герр? (*франц.*)
- 9) О, да! (*нем.*)
- 10) Вот глядите, глядите! Завязался бой в тылу у неприятеля. Это, наверно, ударил молодец Басманов (*франц.*)
- 11) Я так полагаю (*нем.*)
- 12) А вот и наши немцы! – Господа!... Мейн герр, велите же им построиться и, чёрт возьми, пойдём в атаку! (*франц.*)
- 13) Очень хорошо. Становись! (*нем.*)
- 14) Марш! (*нем.*)
- 15) С нами Бог! (*нем.*).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя Бориса Зворыкина сегодня известно специалистам-книжникам и людям увлекающимся искусством особенно эпохой XIX–XX веков. Но рядовому читателю, пожалуй, это имя ничего не скажет. Борис Зворыкин был одним из основоположников “русского стиля” в книжной иллюстрации и, пожалуй, лучший график-орнаменталист начала XX века. Самобытное творчество художника до недавних пор могло быть оценено лишь немногими знатоками-коллекционерами – счастливыми обладателями редких и дорогостоящих изданий, выпущенных в дореволюционной Москве да в эмигрантском Париже.

Причина такого забвения коренилась, с одной стороны, в изначально принятом этим художником сравнительно узком диапазоне творческой практики, ограниченном, по преимуществу, сферой книжной и прикладной графики, а с другой – в избранном им пути независимого построения художественной карьеры, выразившемся в последовательном неучастии в каких-либо “групповых стратегиях”.

Зворыкин остался в стороне от таких этапных для отечественного искусства коллективных выступлений, как выставки Московского товарищества художников, “Мир искусства” и “Голубая роза”. Сотрудничество Зворыкина в другом символистском органе – роскошном крупноформатном журнале “Золотое руно”, этом детище московского мецената и художника Н. П. Рябушинского, оказалось эпизодическим и ограничилось несколькими виньетками, выполненными им в 1906–1909 годах. Все это привело к тому, что талантливый и оригинальный мастер был обойден вниманием газетно-журнальной критики, которая всегда влияла на общественную оценку значимости того или иного художественного явления.

Борис Зворыкин родился 1 (13) октября 1872 года в Москве в купеческой семье. В 1892–1893 годах он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, а позже, возможно, посещал занятия в С.-Петербургской Академии художеств. Ещё в юности, он увлёкся “русской темой”, наиболее гармоничное художественное воплощение которой было связано с творчеством Елены Поленовой, Виктора Васнецова и Сергея Малютина. Любовь к русской старине – истории, легендам и фольклору, декоративно-прикладному искусству, иконописи и деревянному зодчеству, древней каллиграфии, орнаментике и книжной миниатюре – стала тем стержнем, на котором в дальнейшем строилась творческая судьба Зворыкина.

С 1898 года Борис Зворыкин иллюстрировал и оформлял книги для московских и петербургских издательств И.Д. Сытина, А.И. Мамонтова, И.Н. Кнебеля, А.Ф. Маркса и А.А. Левинсона.

В 1903 году в московском издательстве “Товарищество скоропечатни А.А. Левинсона” вышла с его иллюстрациями и в его же оформлении двенадцатистраничная книжка “Сказка о золотом петушке” А.С. Пушкина, ставшая первым опытом художника в области детской книги.

Стилистически эта работа перекликается с “Василисой Прекрасной” в оформлении Билибина, изданной годом ранее в Санкт-Петербурге “Экспедицией заготовления государственных бумаг” и справедливо считающейся одним из высших билибинских достижений в этом жанре.

Сфера детской книги не заняла прочного места в творчестве Бориса Зворыкина и, в отличие от Билибина, чьи достижения здесь в 1900-е годы были весьма впечатляющими, он лишь эпизодически обращался к иллюстрированию сказок.

Творческие траектории этих двух художников (которые, впрочем, едва ли были близко знакомы друг с другом) на некоторое время разошлись. Основной областью приложения сил Зворыкина в эти годы стала прикладная графика, а также оформление историко-художественных альбомов, юбилейных и подарочных книг, настенных и настольных календарей.

В числе оформленных им книг можно назвать следующие: “Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси” (СПб., 1909; издание выпущено Санкт-Петербургской епархией), “Крепостничество и воля” (как значится на титуле – “роскошно иллюстрированное юбилейное издание в память 50-летия освобождения крестьянства”, М., 1911), “В память столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года” (Стокгольм, 1912), юбилейный настенный календарь-альбом на 1912 год с рисунками по роману Л.Н. Толстого “Война и мир” (М., 1912), памятная книга “Егорьевский городской голова Никифор Михайлович Бардыгин: 1872–1901” (М., 1912), подарочные издания “Летописный и лицевой изборник Дома Романовых” (М., 1913) и “Москва” (М., 1914).

Книжные работы художника экспонировались на выставке “Искусство в книге и плакате”, состоявшейся в Санкт-Петербурге зимой 1911/1912 года.

Борис Зворыкин был одним из самых заметных авторов рождественских и пасхальных поздравительных карточек. Получил он известность и как художник открытых писем, выполнив акварелью серии открыток на темы “Смутное время”, “Нашествие Наполеона 1812 года”, “Русские дети”, “Русские былины”, “Охота”, а с 1914 года – на патриотические темы, воодушевлявшие граждан воюющей державы.

Последовательный приверженец и творец “русского стиля”, Зворыкин был высоко оценен членами императорской фамилии, имевшей особое рас-

положение к национальным художественным образам и формам. Он нередко привлекался для выполнения заказов Императорского двора – известны, например, исполненные им меню торжественных обедов в честь французских сенаторов и депутатов в Москве (1910) и в честь приезда в Россию британской торговой миссии (1912). В 1909–1912 годах художник участвовал в росписях кафедрального собора святого равноапостольного Александра Невского в Симферополе и Феодоровского Государева собора в Царском Селе, заслужив благодарность императора. Им был исполнен и титульный лист к выпущенному в 1915 году роскошному альбому “Феодоровский Государев собор в Царском Селе. Вып. 1: Пещерный храм во имя преп. Серафима Саровского Чудотворца”. Феодоровский собор был разорен большевиками после 1917 года, а затем сильно пострадал в Великую Отечественную войну (здание его было восстановлено в 1993 году). Симферопольский же собор был взорван в 1927 году, и только недавно начались работы по его восстановлению на прежнем месте.

В марте 1915 года Зворыкин, наряду с другими известными художниками (в их числе были Иван Билибин, Виктор Васнецов, Константин Маковский, Михаил Нестеров и Николай Рерих), а также архитекторами, искусствоведами, литераторами, государственными, общественными и церковными деятелями, стал учредителем “Общества возрождения художественной Руси” – организации, которая ставила целью “распространение в русском народе широкого знакомства с древним русским творчеством во всех его проявлениях и дальнейшее преемственное его развитие в применении к современным условиям”.

Намеченную обширную программу этого общества, насчитывавшего к началу 1917 года почти триста членов, не удалось осуществить из-за революции – его последнее общее собрание состоялось за неделю до отречения императора Николая II.

В конце 1917 года Борис Зворыкин оформил Послание Поместного собора о восстановлении патриаршества – уникальный двадцатиметровый манускрипт, писанный от руки в стиле грамот XVII столетия и украшенный фигурами святых. Художник исполнил также эскиз патриаршей печати и оформил Личное послание патриарха Тихона главам зарубежных христианских церквей.

В конце 1917 – начале 1918 года художник сотрудничал (одновременно с Сергеем Чехониным и Александром Бенуа) в детском альманахе “Творчество”, где были опубликованы его иллюстрации к сказке Алексея Ремизова “Товарищи” (Кн. 1. Пг., 1917), и оформил книгу В. Волжанина “Древняя Русь в пословицах и поговорках” (Пг., 1917, 2-е изд.: 1919). Тогда же он проиллюстрировал для издательства И.Д. Сытина две книжки “сказочек” В.А. Смирнова – “Рождественский дед” и “Яга и Земляничка”. В этих

иллюстрациях он в наибольшей степени приблизился к “поленовской” манере, с характерными для нее четкими выразительными контурами, широкой заливкой пятен локального цвета и узнаваемыми приемами в изображении деталей пейзажа.

В 1919 году Борис Зворыкин принимал участие в оформлении журнала “Красноармеец” и создал выразительный политический плакат “Бой красного рыцаря с темной силой”, изображающий конного рабочего, сокрушающего молотом вооруженных рыцарей в доспехах (экземпляр этого редкого крупноформатного плаката имеется в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге).

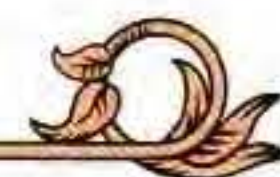
В 1921 году Зворыкин через Крым покинул Россию. Проведя несколько месяцев в Константинополе, он оказался в Египте, где, к слову сказать, уже два года жил Билибин. В том же году художник попал во Францию и поселился в Париже, который постепенно превращался в столицу русской политической, экономической и культурной эмиграции.

Борису Зворыкину не пришлось в поисках заработков отступить от излюбленной тематики и эстетических идеалов. Правда, к началу 1920-х годов художественная мода претерпела существенные изменения, и “эпоха модерна” отошла в прошлое. Но “русская тема”, хорошо усвоенная парижской публикой благодаря триумфу дягилевских сезонов, не только не вызывала отторжения, но оказалась востребованной как проявление остро чувствуемой ностальгии по разрушенному общественно-политическому и культурному укладу старой Европы.

В 1922 году Борис Зворыкин исполнил красочные видовые иллюстрации и рисунки к книге “История Советов” Анри де Винделя, выпущенной Ж. Маковским. Несколько ранее началось его долговременное сотрудничество с издательством “Пяцца”, возглавляемым Л. Фрикательи. Для этого издательства он оформил книги “Москва и деревня в гравюрах и литографиях” Г.К. Лукомского (1921), “Исповедь” М.А. Бакунина (1921), “Поэмы” А. де Мюссе (1927), а также изящные подарочные издания небольшого формата серии “Ex orient lux”.

В 1925 году в издательстве “Пяцца” вышла в его оформлении книжка “Золотой петушок и другие сказки”. Здесь, в отличие от московского издания 1903 года (а также и от известного билибинского издания 1910 года), художник намеренно отошёл от объемной иллюзорности, превратив каждую из двадцати иллюстраций в изысканный многоцветный орнамент. Оформление титула, заставки, рамки и оборочные узоры в этой книге с большой определенностью восходят к традициям средневекового книжного оформления.

Следующим шагом и, возможно, вершинным достижением Бориса Зворыкина на избранном пути стала книга “Борис Годунов” А. С. Пушкина, выпущенная в том же издательстве в 1927 году. В этом издании художник

демонстрирует, прежде всего, впечатляющее владение орнаментальным искусством.

В числе других работ Бориса Зворыкина, выполненных за границей, следует назвать обложку и титульный лист к партитуре оперы М.П. Мусоргского “Сорочинская ярмарка”, цветную обложку литературно-художественного альманаха “Москва”, выпущенного в Берлине Ольгой Дьяковой (1926), акварельный пейзаж Красной площади к книге по географии СССР (Monmarché M, Tillion E. Russie. U.R.S.S. Paris: Hachette, 1935).

В 1928 году художник участвовал в выставке “Роскошная книга 1923–1927” в Музее книги в Брюсселе. В 1935 году его акварели, изображающие дореволюционные формы полков 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, были выставлены в книжном магазине “Librairie Générale” в Париже. В том же году вместе с членами общества “Икона”, основанного десятью годами ранее во Франции художниками, знатоками и любителями русской иконописи, Зворыкин участвовал в выставке икон в храме Христа Спасителя в Аньере.

В конце 1930-х годов Борис Зворыкин перевёл на французский язык русские сказки “Снегурочка”, “Василиса Прекрасная”, “Марья Маревна” и “Жар-Птица” и сопровождал собственными иллюстрациями стилизованный рукописный текст. Этот альбом из четырех сказок художник, в надежде на его издание, подарил своему работодателю и покровителю Л. Фрикательи.

Борис Васильевич Зворыкин умер в начале 1942 года в оккупированном немцами Париже, в те же дни, когда, по странному стечению обстоятельств, в блокадном Ленинграде скончался его брат по искусству Иван Яковлевич Билибин.

Литературно-художественное издание

Александр Сергеевич Пушкин
БОРИС ГОДУНОВ

Иллюстрации Бориса Зворыкина

Корректор *А. Желнова*
Дизайн серии *М. Макеев*
Дизайн, вёрстка книги *О. Корытов*

Издательство «Игра слов»
Директор издательства *М.М. Столяров*
Главный редактор *И.И. Комарова*
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 24, стр. 1, под. 12а
Тел. (495) 623-01-97
E-mail: bookmike@ropnet.ru

ISBN 978-5-9918-0027-3

Подписано в печать 28.04.2008
Формат 60х90/8.
Бумага мелованная.
Гарнитура ElizabethC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0.
Тираж 3 000 экз.
Заказ № 3816.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

